

ЛЕВ ПРОЗОРОВ

СЛАВЯНСКАЯ АТЛАНТИДА

ВАРЯЖСКАЯ
РУСЬ

Запрещенная Русь

Лев Прозоров

**Славянская Атлантида
– Варяжская Русь**

«Яуза»

2015

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Прозоров Л. Р.

Славянская Атлантида – Варяжская Русь / Л. Р. Прозоров —
«Яуза», 2015 — (Запрещенная Русь)

Эта великая цивилизация канула в бездну времени. Ее гордая история превратилась в легенду, сказку, небыль. Ее блестящая культура предана забвению. Имена ее прославленных городов — Аркона, Ретра, Винета — теперь известны меньше, чем селения каких-нибудь инков или ацтеков. Говоря о погибших цивилизациях, мы обычно представляем себе оплетенные лианами развалины в далеких джунглях или руины на дне океана, вспоминаем легендарные имена: Атлантида, Туле, Гиперборея... Но оказывается, бездна беспмятства поглощает не хуже океанских вод. Оказывается, не в допотопные эпохи, а меньше тысячи лет назад и не на других материках, а совсем рядом существовала великая цивилизация наших предков, на равных соперничавшая со Священной Римской империей и могущественной Византией, а теперь фактически забытая. Про эту арийскую цивилизацию почти не пишут книг, не снимают фильмов. Никто, кроме горстки специалистов, не помнит имен ее многоликих Богов, походы и победы ее грозных князей, великие битвы, что кипели на ее берегах. А ведь именно оттуда пришли наши предки, это наша прародина, наша СЛАВЯНСКАЯ АТЛАНТИДА — Варяжская Русь. Ее подлинную историю восстанавливает эта книга.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

© Прозоров Л. Р., 2015

© Яуза, 2015

Содержание

Пролог	7
Глава I. Почему мы знаем о ней так мало	9
Глава II. Во тьме немых эпох: от боевых топоров до венедов	14
Глава III. В зареве великих пожаров: от падения Рима до Браваллы	29
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Лев Прозоров

Славянская Атлантида – Варяжская Русь

© Прозоров Л., 2015

© ООО «Издательство «Яуза», 2015

© ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Посвящения

Богам и людям Варяжской Руси.

А. Ф. Гильфердингу, С.А. Геденову, А.И. Павинскому, И.А. Лебедеву, А.А. Котляревскому, Д.Н. Егорову А.Г. Кузьмину, С.Н. Азбелеву, В.И. Меркулову, В.В. Фомину

И с огромной благодарностью за терпение моему редактору Л. Незвинской.

ПРЕУВЕДОМЛЕНИЕ!

Тем, кому нравится думать, что славяне только земелюшку пахали, да водили в веночках печальные хороводы босиком по травке, **эта книга может оказаться крайне неприятной.**

Пролог

– Вот если бы дело касалось Тутанхамона или иссохших африканцев, невесть почему сохранившихся на другом конце света; если бы это был Вавилон, или Китай, или какая-нибудь раса, столь же далекая и таинственная, как «лунный человек», – вот тогда ваши газеты поведали бы об этом все, вплоть до зубной щетки или запонки. Но о людях, которые построили ваши приходские храмы, дали названия вашим городам и ремеслам, даже дорогам, по которым вы ходите, – о них вам никогда не хотелось что-либо узнать.

«Проклятие золотого креста» Г.К. Честертон

Что представляется нам при словах «исчезнувшая цивилизация»?

Кишащие змеями руины в сердце ядовитых джунглей, оплетенные лианами личины причудливых идолов, поседевшие от жаркого солнца и песчаных ветров камни пирамид, древний храм на дне океана, на минуту возникающий в иллюминаторе субмарины. Что-то чужое и далекое, растворившееся во мраке тысячелетий.

Но, оказывается, бездна забвения поглощает цивилизации столь же надежно, как океанская пучина, и не требуется долгих эпох, чтоб целый мир превратился в сказку, а сказка – забылась.

Не на далеком континенте, не в допотопные времена, не так уж далеко от нас – здесь, в Европе, менее тысячи лет назад, погибла целая цивилизация. Не ищите книг о ней на полках магазинов и библиотек – ей уже очень давно не посвящали книг. Об этой цивилизации не сняли ни одного фильма. Только немногие знают названия ее многолюдных городов, имена диковинных многоглавых кумиров, которым она поклонялась, названия битв, кипевших на ее берегах. Для большинства же читателей само ее существование остается в неизвестности – легендарной Атлантиде Платона в этом отношении повезло больше. Вот тут и книги, и фильмы... а многим ли что-то скажут имена велетов и рериков? Скольким известно, что такое Ретра – нет, не ретро, а именно Ретра? А Волын – не Волынь на Украине, а именно Волын – кто помнит, что город с таким названием когда-то называли «самым большим городом в Европе»? А что знаете про Винету – нет, нет, не про Виннету, вождя краснокожих, а именно про Винету?

Все это тем более удивительно, что носители этой цивилизации – не атланты, погибшие без наследников, погрузившись «в один день и одну бедственную ночь» в пучины одноименного океана, не этруски или шумеры, чей язык был непонятен пришедшим им на смену народам (что не мешает огромному количеству людей записываться в их потомки). Кровь творцов и героев исчезнувшей цивилизации течет в нынешних народах, обитающих на берегах Балтики. «Осси» – восточный немец – или датчанин, швед или уроженец балтийского побережья Польши, латыш или эстонец с высокой вероятностью несут в себе ту или иную долю их крови, ежедневно проходят по городам, холмам и берегам, названным на языке той цивилизации. И в особенности все это относится к русским.

Наш народ, наша страна обязаны существованием именно этой цивилизации. Ее кровь течет в наших жилах, ее язык – родня нашему, ее выходцы проложили торговые и военные пути по нашим землям и закладывали на них до сих пор стоящие города. Она дала нам первых князей.

И тем не менее – мы забыли о них. Для огромного большинства русских то, о чем я буду говорить в этой книге, окажется новостью, может даже показаться фантастикой, выдумкой, на которую столь щедры иные рассказы об исчезнувших цивилизациях, забытых народах, затерянных мирах.

Тем нужней мой рассказ. Рассказ об исконной, изначальной варяжской Руси, нашей, славянской Атлантиде.

Глава I. Почему мы знаем о ней так мало

*Летописей не сохранилось.
Собираем мозаику по кусочкам.
Труды дореволюционных ученых.
Семьдесят лет молчания.*

*Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже могущих нет;
Уж нет вождей победы;
Их дома вихорь разметал;
Их гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожрал Их шлемы и кольчуги;*
В.А. Жуковский

К сожалению, погибшая на южных берегах Балтийского моря цивилизация не оставила для нас своих летописей. Если нечто подобное и велось – то только при языческих храмах, и, нет сомнения, должно было погибнуть вместе с ними от рук носителей новой веры, будь то чужаки-германцы или свои, – зачастую новообращенные становятся нетерпимее, чем самые фанатичные из обративших. Некому было записать и предания. Чуть больше обычного повезло преданиям генеалогическим – родословным потомков знати варяжской Руси, принявших чужую веру и чужой язык, но сохранивших память об именах и родстве великих предков. Впрочем, и эти генеалогии дошли до нас в очень поздних, XVI–XIX веков, списках. И это все. В результате историю этих народов приходится собирать буквально по кусочкам – по чужеземным, зачастую враждебным, хроникам франков, датчан и саксов, путевым заметкам путешественников, житиям тех, кто «просвещал» варяжские берега чужеземной верой, договорам, грамотам, картам, преданиям и сагам, по фольклору покинувших прародину потомков, по памяти земли – археологии – и памяти языка. Интересно, что сохранилось от этой цивилизации больше, чем думают – иное дело, никто не торопится обнародовать сохранившееся, и бесценный памятник, алтарь языческого Бога, привезенный трофеем, свидетельством торжества новой веры, в христианский храм, успешно долежал там до нового времени, а потом отправился в местный краеведческий музей, где и пребывает, оставаясь неизвестным потомкам своих почитателей. Точно так же в далекой Англии сохраняются названия, памятники морских походов с южного берега Балтики, причем не захоластные деревушки, а целые графства – но, полагаю, их жители также в основном пребывают в неведении о людях, которым обязаны названиями родных мест. Полезные сведения о славянской Атлантиде могут содержать даже, например, гербы водворившейся на ее землях, и частично происходящей от ее князей и рыцарей, знати: они сохранили самые разнообразные сведения о предках своих обладателей – от их верований до головных уборов.

Нельзя сказать, чтоб цивилизации балтийских славян вообще не посвящали книг. В свое время они были весьма популярной темой. Началось это в середине XIX столетия, когда национальные чувства и славян, и германцев были на подъеме. Германия шла к объединению, появились и панславистские настроения, и судьба балтийской Руси, протекавшая как раз на границе славянского и германского миров, не могла остаться вне внимания.

Первым, специально посвященным нашей теме исследованием, был объемный труд Александра Федоровича Гильфердинга (известного собирателя русских былин и видного деятеля славянофильского движения), вышедший в 1855 году «История балтийских славян». Спустя шесть лет исследователь издал следующую часть своей работы «Борьба славян с немцами

на Балтийском поморье в средние века». Эта интереснейшая, полная полезных сведений книга по сей день читается с огромным интересом. Хотя славянофильские убеждения автора очень сильно сказываются на каждой странице. Когда Гильфердинг простодушно объясняет, как «славян *естественно стремил*о все далее на запад», а саксы, жившие в устье Эльбы, вынуждены были отбиваться от них, а спустя несколько страниц жалуется, что соседство хищных германцев испортило «славянское племя, вообще такое миролюбивое и кроткое», не знаешь, то ли смеяться, то ли плакать. И это повторяется постоянно – оплакивается некое качество, которое-де несчастные славяне утратили в результате соседства с германцами; иной раз кажется, что Александра Федоровича более огорчает не покорение славян германским оружием, не сожженные города и обращенные в рабов пленники, а то, что гадкие германцы научили невинных ободритов и велетов таким ужасам, как воинственность, наследственная аристократия, почитание личных Богов и пр.

Между тем стоит посмотреть на славян в других краях – и там обнаруживается точно то же самое, притом с первых их упоминаний. Вспомним, скажем, сохраненный византийским летописцем Менандром ответ славянского вождя Дабриты послам аварского кагана: «Родился ли на свете и согревается ли лучами солнца тот человек, который бы подчинил себе силу нашу? Не другие нашу землю, **а мы чужою привыкли обладать**. И в этом мы уверены, **пока будут на свете война и мечи**». Много ли кротости и миролюбия в этих словах? Да слова словами – а когда славяне вторгались на Балканы, захлестнув их до самого Пелопонесса-Мореи, когда они доходили до Италии, внушая ужас римскому папе – тогда они тоже были кроткими и миролюбивыми? А разве не упоминает Иордан – и многие другие писатели после него – про племенную знать антов и славян? А Прокопий – не упоминает ли в самом первом подробном рассказе о быте и нравах тех же славян и антов о почитании ими Бога-Громовержца? И все это – еще в VI–VII веках.

Или еще – опять же злые германцы осквернили чистую проповедь христовой веры славянам «родовой враждой», «духом исключительности». И однако, вот странность: сам же Гильфердинг рассказывает о многолетнем – если не о многовековом – союзе язычников-саксов и фриз с язычниками-велетами. Он же, цитируя Титмара, говорит о том, что саксы признавали благородство славянской знати (речь о пленнице, ставшей матерью епископа Магдебургского Вильгельма). Он, наконец, описывает, как знатный сакс, понося ободрита, употребляет *евангельское* сравнение язычника с псом. Так родовая ли гордыня мешала «христианскому братству» – или пришедшая вера ссорила считавшие друг дружку ровней племена?

Если же не обращать внимания на эти идеологические издержки, книга очень хороша и познавательна.

Еще десять лет спустя увидел свет труд польского слависта Адольфа Ивановича Павинского «Полабские славяне в борьбе с немцами в VIII – XIII вв.». О настрое книги говорит название. Впрочем, «с той стороны» выходили не менее, гм, заостренные произведения. А вот двухтомник И.А. Лебедева «Последняя борьба балтийских славян против онемечения» (1876), невзирая на еще более драматичный заголовок, серьезнее. Первый том вообще целиком и полностью посвящен анализу источников – впервые в отечественной литературе по этой теме.

Вышедшая в 1874 году фундаментальная работа Александра Александровича Котляревского (более известного исследованиями русского язычества) посвящена праву балтийских славян.

Венчает эту плеяду Д.Н. Егоров с двухтомником «Славяно-германские отношения в средние века. Колонизация Мекленбурга», появившимся в печати за два года до революции. Хотя многие считают его работу чересчур скептической – очень уж остро критикует он и некоторые источники (особенно достается Гельмольду), и своих предшественников, но тем не менее эта книга во многом воистину итоговая. Соглашаться с Дмитрием Николаевичем или нет – дело каждого, но прочесть однозначно стоит. Во-первых, потому, что в книге много сведений,

не встречающихся более нигде. Во-вторых, потому, что мысли, высказанные Егоровым в своей работе, применимы отнюдь не только к тем вопросам, которые он рассматривает в своей книге.

А в-третьих – потому, что это последняя книга, вышедшая по этой теме на русском языке.

Да, читатель, совершенно верно – последняя... ну, вплоть до той, что Вы сейчас держите в руках.

Писали ведь. Работали, многотомные монографии составляли. Я ведь назвал здесь только самые крупные труды, самых именитых авторов, не упомянув Первольфа, Будиловича, Филипова, Флоринского и многих иных. Вообще в стороне оставил пока работы Геденова, Забелина, в которых южный берег Варяжского моря увязывался с темой происхождения Руси и ее первых князей. Легко подсчитать – в среднем в Российской империи с середины XIX столетия каждые десять лет выходило примерно по одной **фундаментальной** работе, посвященной славянскому населению южного берега Балтики. А вот после революции, за все семьдесят лет, и за двадцать последующих – ни одной. Совсем. Вообще. Абсолютно. Ни толстых книг, ни тонких, ни в два тома, ни в один. Даже в самый разгар заигрывания со славянами, в сороковых-пятидесятых, когда «кремлевский горец» провозгласил себя и свою партию «новыми славянофилами» – книг на «заговоренную» тему не вышло. Казалось бы, это онемеченная знать Российской империи могла иметь причины замалчивать загубленную не без участия германцев цивилизацию – ан нет, замалчивали не они.

Даже той же Атлантиде посвятила советская наука объемистый том (Н.Ф. Жирова, «Атлантида», 1964 год, если кому интересно). Но только не «славянской Атлантиде»...

Ладно, не пишете сами. Так переиздайте! Нет. Не переиздавалось что-то...

Выходили статьи – в сборниках и специальных журналах. Особенно отмечу статьи, посвященные связи славянской Атлантиды с началом Руси – Вилинбахова, Энговатова, Кузьмина – но и это были лишь статьи, несравнимые по объему с фундаментальными трудами Геденова или Забелина, и остававшиеся в основном неизвестными широкому основному большинству читателей. Но не более. В книгах по истории славянства поминали многовековую историю южно-балтийских насельников несколькими страницами в самом лучшем случае. Чаще же всего ее вытаскивали на свет краешком в несколько строчек, попрекая германцев и вообще «Запад» их уничтожением. Создатели «самого большого города Европы» своего времени оказывались в одном ряду с тасманийцами или могиканами.

Это все, читатель, мы с Вами говорили про науку. В художественной литературе было примерно то же самое. «Рюген, с его грозными богами, и загадочные поморяне, и полабские славяне, называвшие луну Леуной, лишь отчасти затронуты в песнях Алексея Толстого» – написал когда-то Велимир Хлебников, и с тех пор изменилось очень мало.

Ну и, наконец, приведу еще один пример. Наверняка Вам, читатель, доводилось слышать про великого русского композитора Николая Андреевича Римского-Корсакова. Да-да, «Садко», «Сказка о царе Салтане», «Снегурочка», «Золотой петушок», «Сказание о невидимом граде Китеже» – его оперы всегда на слуху. И даже если Вы не любитель оперы – Вы слышали его музыку – в сказочных фильмах или в мультках.

Костюм княжны Воиславы для оперы-балета «Млада»

Но – если только Вы не фанат его творчества, или не настолько увлечены балтийским славянством, варяжской Русью, как автор этих строк, то навряд ли Вы слышали про его оперу-балет «Млада», трагическую историю княжны из Арконы, ее возлюбленного Яромира и злодейки-соперницы Войславы.

И вот по ней Вы точно не видели не фильмов, ни мультфильмов, ни, скорее всего, театральных постановок. Потому что оперу эту давным-давно не ставили.

При жизни автора в Мариинке несколько раз было – и все. Вообще все, понимаете? При советской власти каждая из опер композитора по многу раз была поставлена во множестве театров – и «Кощей Бессмертный», и «Сказка о царе Салтане» – я уж про «Снегурочку» и «Садко» не говорю. А «Млада» – нет.

Это единственная опера у Римского-Корсакова... нет, не так. Это – *единственная опера*, посвященная балтийским славянам.

В такой обстановке тотального замалчивания – неудивительно, что огромная масса русских читателей вовсе не имеет представления о Варяжской Руси.

А вот почему такая обстановка сложилась вокруг нее... Это уже совсем другой вопрос, уважаемый читатель. И мы о нем поговорим попозже.

Пока же, в завершение первой главы: особенно обидно, что за рубежом про эту цивилизацию знают хоть и немного – но все-таки знают. Я вот тут, в очередной раз посетив столицу нашей все еще необъятной страны, полистал забавную детскую книжицу «Викинги идут» некоего Маури Кунноса.

Посмеялся приключениям скандинавов (ну Боги бессмертные, когда уже перестанут употреблять слово «викинг» как синоним слову «скандинав», нести чушь про «богов викингов», «женщин викингов» и «королей викингов»?!) впрочем, позже, и до этого дойдет речь в свое время), изображенных в виде различных зверюшек. Естественно, жители остальных стран в том же стиле: князь Ярослав Мудрый – волк, император Византии, хе-хе, бегемот.

Но не суть.

А обратил внимание вот на что – в сем труде западного автора, для западного читателя изданного, как нечто хорошо знакомое, упоминаются венды. То викинг Гуннар, стремясь добиться благосклонности девушки, хвастается победой над вендами, то Олаф, вожак вагаги, стремясь залучить в свои ряды простодушного здоровилу-берсерка, рассказывает тому, что его, Олафа, сестру «похитили злые венды».

То есть даже детишки там у них в курсе, что были такие венды, и что они даже бедолагами-неудачниками, которых обижали злые германцы, вовсе не были, а были довольно серьезными ребятами, от которых и норманны могли получить немало неприятностей.

Ну а теперь откройте мне отечественную детскую книжку про начало Руси или про эпоху викингов. И покажите мне там слово «венды». Причем чтоб это была не очередная фантастика от «Белого города», а вменяемая детская книга. Чтобы венды воспринимались в одном ряду не с «влесовой книгой», «арийским спасителем Бусом Белояром» и прочими вышне-крышнями, а с реальными событиями истории.

Покажите, пожалуйста!

Я «благодарствую» скажу.

Это о детях. Взрослые читатели-англосаксы – или, шире говоря, англоязычные читатели – могут познакомиться с работой Эрика Кристиансена «The Northern Crusades». Немцы – с трудом Иохима Херрмана «Die Slawen in Deutschland». Полагаю, бессмысленным будет вопрошать, почему эти труды не переведены у нас.

Глава II. Во тьме немых эпох: от боевых топоров до венедов

*На ощупь во тьму веков.
Мощь и бессилие археологии.
Боевые Топоры – первый
«натиск на восток».
Лужицкая культура – современница
Трои и скифов. Подклешевые погребения.
На свет источников. Загадка венедов.
«Лишь бы не славяне».
Пришельцы или туземцы?
Теория «германских остатков».
Суовены и велеты Птолемея*

*Молчат гробницы, мумии и кости,
Лишь слову жизнь дана.
Из тьмы веков на мировом погосте
Звучат лишь письма.*

Валерий Брюсов

Эти слова великого русского поэта очень точно описывают сложность проблемы, встающую перед исследователями истории любого народа, не оставившего после себя письменных памятников. Археология – свидетель, увы, немой. На каком языке говорили люди той или иной культуры, к какому народу принадлежали – сама она ответить не может. Зачастую одна и та же культура, скажем, именьковская в среднем Поволжье, в трудах разных исследователей становится, в зависимости от их взглядов, то славянской, то угорской, то тюркской. Что говорить о том, как распознать по археологическим остаткам народы, меньше отличающиеся друг от друга?! Буквально – на ощупь.

Археология говорит нам, что у берегов, на которых возникла варяжская Русь, давняя и славная история. Мы можем определить, как жили, где бывали, с кем общались жители южной Балтики – но не можем назвать не то что их имен, Богов, которым они поклонялись, битв, в которых они одерживали победы или терпели поражения – даже о языке, на котором они говорили, мы можем только строить предположения. Пять с лишним тысяч лет назад на тех берегах, о которых мы ведем речь, зародилась так называемая культура боевых топоров. Ее представители великолепно овладели шлифованием камня – из него и были их топоры, приручали скот, возможно, владели и кой-каким земледелием, разобрались и в непростом искусстве плавки меди и бронзы. Передовые отряды Боевых Топоров – фатьяновцы, балановцы, абашевцы – в первый раз в человеческой истории прошли в «натиске на Восток» от берегов будущего Варяжского моря, Балтики, к берегам Оки, Волги, Дона и Камы.

В Московском историческом музее можно увидеть их керамику, каменное оружие и выразительную бронзовую скульптуру Галичского клада. Именно они, а не мифические «финно-угры», освоили дебри будущего русского Залесья. Одни исследователи видели в Боевых Топорах индоевропейцев вообще, общих предков народов, разнесших индоевропейские языки до Ирландии на западе и Индии на востоке. Другие видели в них тевтонов, уже тогда творивших «дранг нах остен», неся троглодитам свет первой культуры – как нетрудно догадаться, такие теории пользовались особой популярностью в Германии. Третьи выбирали, так сказать, золотую середину, видя в них общих предков – но не всех индоевропейцев, а только германцев, славян и балтов (латышей, литовцев и еще нескольких народов, которые к нашему времени растворились в русских, белорусах, поляках и немцах). Наконец, не так давно амери-

канская исследовательница литовского происхождения Мария Гимбутас¹ выдвинула версию, что Боевые Топоры были предками именно и собственно балтов. То есть, конечно, понятно, что всяк кулик хвалит свое болото (за исключением разве тех, что водятся в наших краях), но миссис Гимбутас указала на серьезные основания для своего предположения – а именно, на гидронимию, иначе говоря, названия рек и озер. Как-то так получилось, что крепче всего держатся в людской памяти названия не городов и сел (эти, как мы вдосталь налюбовались за прошлый век, могут на протяжении одного столетия сменить наименование трижды – скажем, Петербург в течение XX века успел побывать Петроградом, Ленинградом и, наконец, опять Петербургом, ненамного отстал Царицын – Сталинград – Волгоград), не гор и лесов, а именно водоемов. Так вот, Мария Гимбутас установила, что практически на всех обширных землях, по которым расселились когда-то Боевые Топоры, есть балтские названия. Не является исключением – это, читатель, я попрошу Вас запомнить, нам еще предстоит вернуться к этому обстоятельству – и Варяжское побережье, вплоть до Ютландии. Что, если и не доказывает теорию Гимбутас, то придает ее предположению некоторый вес.

¹ Увы, в США не слишком хорошо разбираются в чужих культурных тонкостях – Гимбутас *мужская* фамилия, по обычаям предков Марии следовало б зваться Гимбутене. А так вышло нечто вроде Natasha Rasputin из американских комиксов.

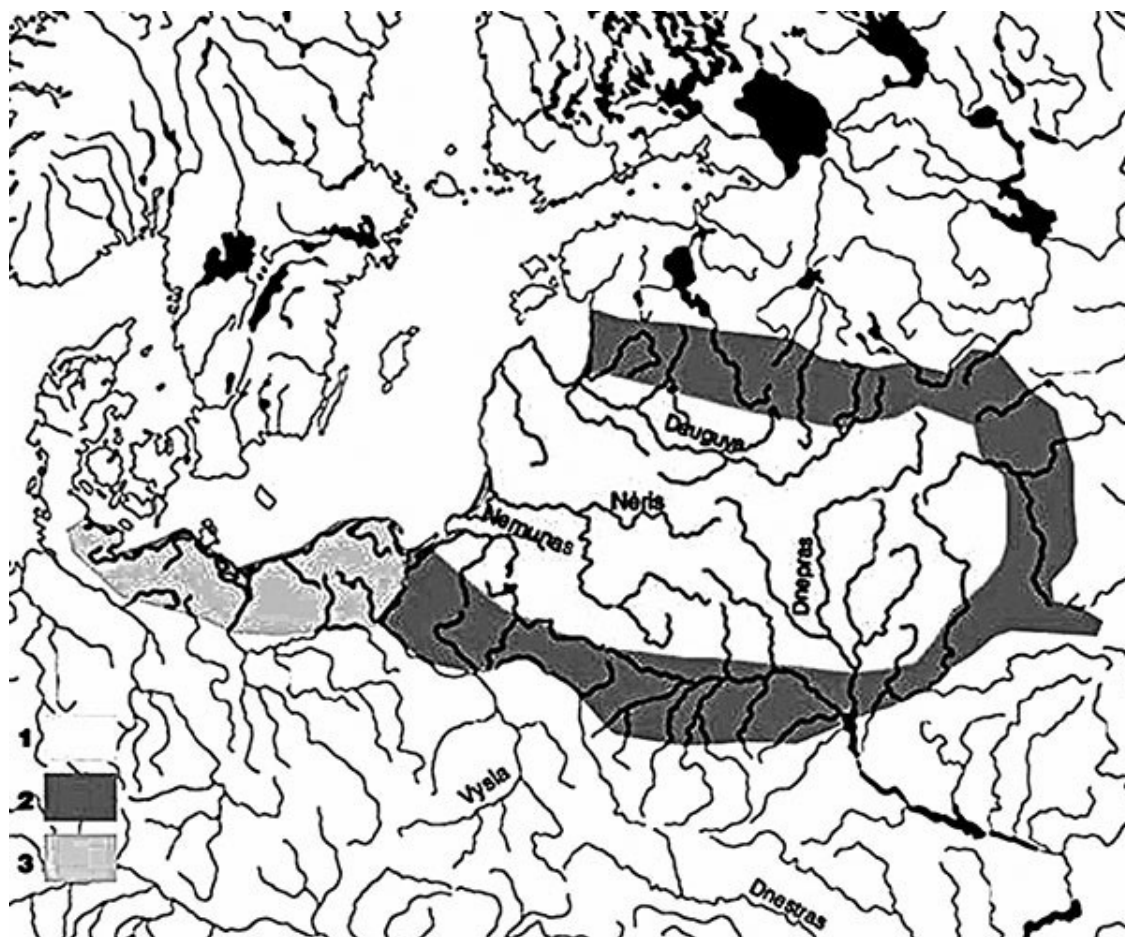
Внешность фатьяновца

Идол солнечного Божества, абагиевская культура

Орудия и посуда «культуры Боевых Топоров»

Балтские топонимы. Карта М. Гимбутас.

Как можно видеть, разброс мнений чрезвычайно велик. Так же непросто обстоят дела и с лужицкой культурой, считающейся (и опять же, отнюдь не всеми археологами!) наследницей одной из ветвей Боевых Топоров. Тут даже с географическими границами нет полной ясности – на одних схемах Лужицкая культура «отлучена» от Балтики, зато простирается на юг к Адриатическому, захлестывая аж север Италии! А вот на других на юг она заходит едва ли дальше истоков Одры, зато «получает» выход к Балтийскому морю – между устьями Вислы и той же Одры. Возникла она тридцать два века назад, когда еще стояла Троя, блистали Микены, на Крите, «посреди виноцветного моря» таился в Лабиринте Минотавр – а закончилась ее история за четыре века до начала христианского летоисчисления, когда триста спартанских воинов царя Леонида вошли в историю своим подвигом, а в степях к северу от Черного моря – Понта Эвксинского – клонилось к скорому закату скифское царство. Неподалеку от Гнезно, на озере Бискупин («Епископское») археологи нашли в торфе отлично сохранившееся городище – остатки древнего укрепленного поселения лужицких времен. Торф сберег все – рыболовные сети и горшки, лодки и колеса... Теперь на месте самого выдающегося памятника лужицкой культуры стоит музей под открытым небом, огромная реконструкция, посетив которую каждый может хоть на минуту погрузиться в ту далекую эпоху.

Если Боевые Топоры были преимущественно скотоводами, то люди лужицкой культуры – по преимуществу земледельцы, причем земледельцы весьма оседлые – судя по кладбищам, использовавшимся веками. Если Боевые Топоры хоронили покойников в земле, что дало нам возможность узнать об их внешнем облике, то лужицкая культура лишила нас этой возможности, перейдя к трупосожжению.

стр.27

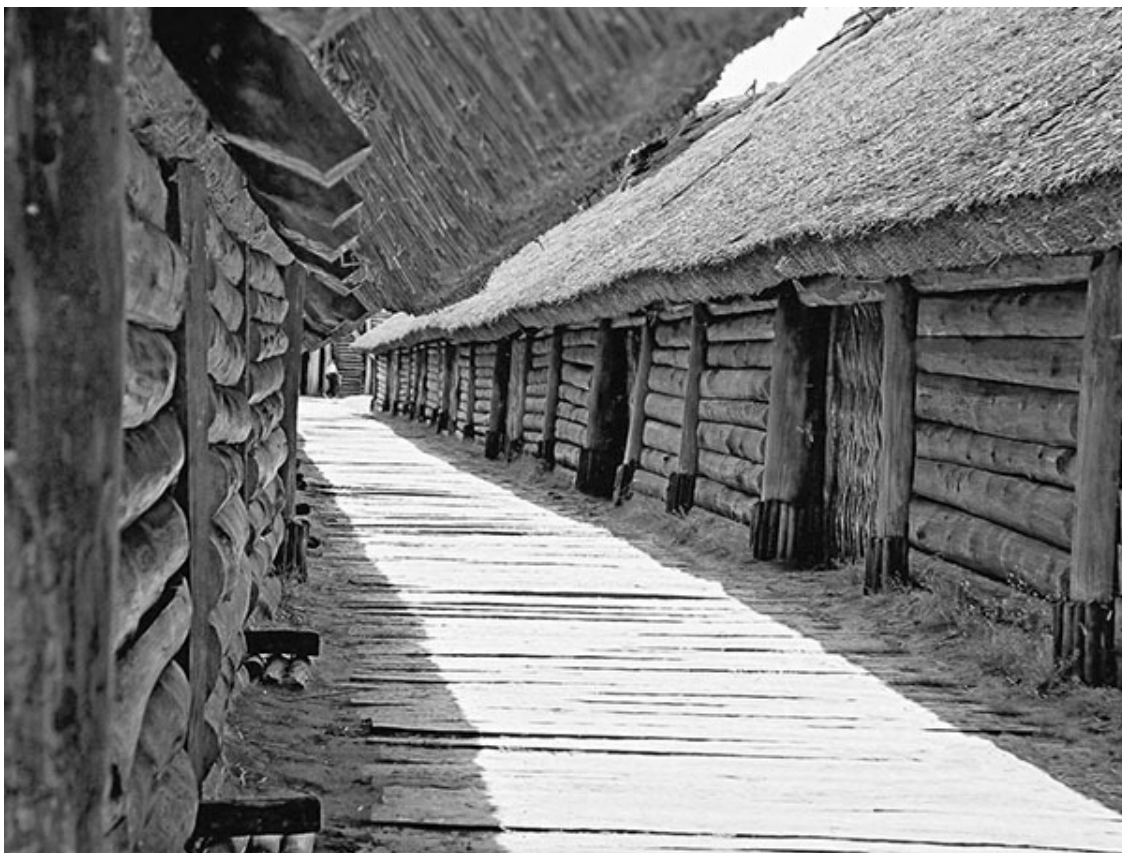
Женщина в костюме лужицких времен

По этому поводу Б.А. Рыбаков сделал очень странный комментарий, связав переход от земляных могил к погребальным кострам с переходом от веры в переселение душ к вере в мир иной, куда уходят покойники. Очень, очень странная мысль – ведь страна, в которой по

сию пору большинство населения свято верит в переселение душ (помните – «хорошую религию придумали индусы»?), и сейчас сжигает покойников на кострах, а христианская культура, напрочь отрицая переселение душ, столь же решительно выступает и против кремации, а мертвых именно хоронит.

Реконструкция городища лужицкой культуры

Реконструкция городища лужицкой культуры

По обычаю бескурганных погребений сожженного праха в урнах лужицкую культуру, вкупе с родственными ей, называли культурами полей погребальных урн.

Если Боевые Топоры еще стояли одной ногою в каменном веке, представители лужицкой культуры (очень хочется сократить это громоздкое определение до «лужичане», но во избежание путаницы с племенем лужичан, о которых будем упоминать позднее, воздержусь) были уже полноправными представителями века металлов – их орудия были из бронзы, а впоследствии появились и железные. Среди прочего, люди той эпохи делали и бронзовые бритвы. Знали они и торговлю: в их поселениях часто находят предметы из дальних земель – Средиземноморья и скифской степи. Впрочем, не все находки такого рода говорят о торговле – массовые находки скифских стрел на иных городищах рассказывают скорее о дальних набегах кочевников – и о том, что южные края лужицкой культуры казались им желанной, богатой добычей.

Еще, кстати, Рыбаков мельком упомянул о «подражании» позднему линейному письму критян, найденному у жителей лужицкой культуры. К сожалению, тему эту он не развил – хотя казалось бы, что может быть интересней? Немой свидетель мог обрести голос – хотя бы на пару слов. Но по ним можно было бы хотя бы угадать его язык!

Одни из исследователей относят лужицкую культуру к, понятное дело, германцам, другие – к зашедшим далеко на север иллирийцам (предкам современных албанцев), третьи – к фракийцам, родичам знаменитого Спартака, четвертые – к кельтам, наконец, немало исследователей относило их к праславянам.

Выдающийся археолог В.В. Седов, ныне, к сожалению, покойный, полагал лужицкую культуру колыбелью целого ряда европейских народов – германцев, кельтов, славян, италийцев – в общем, всех крупных этносов центральной Европы.

По соседству с лужицкой культурой на берегу Балтики располагалась родственная ей поморская. У нее был достаточно любопытный обычай – верх урны, в которую сыпался прах покойного после сожжения тела на костре, изображался в виде головы человека с лицом. Интересно, что этой голове иногда приделывали глиняные уши с глиняными же серьгами – благодаря чему мы знаем, что этот обычай на юге Балтики возник уже тогда. Иногда в глиняных ушах женских головок вставлено несколько глиняных сережек – по всему, любительницы пирсинга имели в той эпохе достойных предшественниц. Крышки на урны делали в виде шапок – круглых шапок с меховой опушкой, точно таких же, которые будут в ходу на Руси вплоть до Петровских реформ.

На стыке лужицкой и поморской культур образовалась культура подклешевых погребений. Называется она так потому, что покойников в ней хоронили не в изысканных лицевых урнах, а в горшках попроще, накрытых сверху мисками, «клешами» по-польски. Именно с подклешевой культурой Седов связывает возникновение славян. В те времена предки славян активно общались с кельтами галыштатской и латенской культур, заселявшими тогда юг Польши и Чехии – немецкое название Чехии, Богемия, сохранило название одного из кельтских племен – бойев.

Во времена следующей, пшеворской культуры, берега Балтики, наконец, попадают в поле зрения историков Средиземноморья. Из тьмы доисторических, бесписьменных времен мы выходим на свет исторических источников – свет, по правде сказать, пока довольно тусклый.

Первым он выхватывает из тьмы слово «венеды».

Собственно, похоже на то, что народов с таким названием в Европе было не то два, не то даже три. Были адриатические венеты или энеты, которых греческие легенды выводили из Трои. Памятники их языка сохранились – и они имеют немного общего со славянами. Гораздо интереснее в этом отношении венеды балтийские, о которых здесь в основном и будет говориться. Кем были те венеды, с которыми Юлий Цезарь столкнулся в северной Галлии – еще одним народом-тезкой, или балтийскими венедями, сказать трудно.

О балтийских венедах впервые мы узнаем из заметок Корнелия Непота, который рассказывает, как к берегам северной Германии в 58 году прибило бурей корабль... индов. Вино- вато здесь не только созвучие, но и географические представления древних – они верили, что

индийский океан соединяется с северными морями. Исследователи не сомневаются, что в виду имелись именно венеды (виниды, винды в некоторых написаниях).

Более подробно балтийских венедов первым (опять-таки, если не с ними имел дело Цезарь) описал Публий Корнелий Тацит в своем сочинении «О происхождении германцев и местоположении Германии». Он расположил их между следующими племенами: свевами (предками нынешних швабов) на западе, певкинами или бастарнами на юге, сарматами на юго-востоке и фенами (саамами, лопарями – предки эстонцев и финнов вышли к балтийскому морю позднее, по оценке финского филолога Сятелё, только к 5 веку) на северо-востоке.

«Отнести ли певкинов, венедов и феннов к германцам или сарматам, право, не знаю, хотя певкины, которых некоторые называют бастарнами, речью, образом жизни, оседлостью и жилищами повторяют германцев. Неопрятность у всех, праздность и косность среди знати. Из-за смешанных браков их облик становится все безобразнее, и они приобретают черты сарматов. Венеды приняли многое из их нравов, ибо ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только не существуют между певкинами и феннами. Однако их скорее можно причислить к германцам, потому что они сооружают себе дома, носят щиты и передвигаются пешими, и притом с большой быстротой; все это отмежевывает их от сарматов, проводящих всю жизнь в повозке и на коне».

Я настоятельно рекомендую, читатель, запомнить этот небольшой шедевр римской этнографии. Германец – это такой европейский варвар, который не сармат. И все. Остальное неважно. *Tertium non datur*, третьего не дано. Из трех племен – даже феннов-лопарей! – Публий Корнелий Тацит только в отношении певкинов-бастарнов вспомнил про язык, про то, что нам сегодня, говоря о родстве народов, приходит в голову первым делом. Для Тацита же язык не столь принципиален: ходишь пешком, живешь в доме, укрываешься за щитом – замечательно, ты германец.

Не так уж и задолго до того Гай Юлий Цезарь также безмятежно определил германцев в разновидность галлов. Боюсь, и тут большую роль сыграли общие привычки – ну, например, ношение штанов и нежелание бриться и стричься по-римски – чем какие-то иные критерии.

Поэтому о «германстве» племени можно заключать только в том случае, если есть свидетельства о его языке. Например, про лангобардов-винулов их историк Павел Диакон пишет: «ведь на их языке слово «lang» означает «длинный», а «bart» – борода». Тут можно говорить о германском происхождении племени. Нельзя отлучить от германцев и готов, хотя в источниках и упоминаются между германскими их именами, такими, как Германарих, Атаульф, скажем, или Ульфила, и имена совсем иного звучания – Годи́ла, Витими́р, Вадемерка. Эти имена могут говорить о том, что готами иногда называли примкнувшими к племенному союзу готов славян или о переходе имен от славян к готам – как и славяне иногда перенимали имена соседей. Но собственно готский язык был германский, и сие, как ни разочарует это иных читателей, неоспоримо. Латинская эпиграмма «Варварские пиршества» сетует на то, что под звуки готской речи «Eils!...scapia matzia ia drincan» никто больше не слагает стихи. Думаю, «heil» и «drinken» опознает даже не слишком знакомый с германскими языками человек. Более того, германский язык готов засвидетельствовал через много веков францисканский монах Гийом Рубрук, ездивший от римского папы к хану монголов в 1253 году. В Крыму, как утверждал он, «было много готов, язык которых германский (teutonicum)». Если уж готы говорили по-германски даже в Крыму тринадцатого века, где им определенно не от кого было «набраться» этого, то тем более мы не имеем основания сомневаться в их германоязычии за тысячу лет до того.

Вернемся, однако, к венедам.

Явившись в сочинении Тацита, венеды кочуют по страницам сочинений географов Вечного города без особых приключений полтысячи лет. Малозначительные расхождения в определении их точного месторасположения естественны, и трудно сказать – отмечают ли они

изменения реальных границ племени, или всего лишь разницу во взглядах и познаниях информаторов римских мудрецов. Мы узнаем названия тех или иных племен, что живут неподалеку от них, но это, пожалуй, и все. Ни про обычаи, ни про язык – ни слова. Сыны Волчицы не зря славилась прагматизмом – с венедом не воюют, и, видимо, всерьез не торгуют, – чего ж зря переводить ценный папирус? Да, есть такие. Живут во-о-о-н там (а может, на три сандалиии правее... или левее). И все, чего вам еще?

Дело сдвинулось с мертвой точки, когда за стилос – или за перо – взялись те самые народы, что жили неподалеку от венедов и успели с ними навоеваться вдоволь – ну и наторговаться, я думаю, тоже.

Готский историк Иордан в труде «О происхождении и деяниях гетов» пишет так: «В Скифии первыми с запада живет племя гепидов, окруженное великими и славными реками; на севере и северо-западе протекает Тизия; с юга эту же область отсекает сам великий Дунай (Дунай. – *Л.П.*), а с востока – Флютавизий; стремительный и полный водоворотом, он, ярясь, катится в воды Истра (тоже Дунай. – *Л.П.*). Между этими реками лежит Дакия, которую, наподобие короны, ограждают скалистые Альпы. У левого их склона, спускающегося к северу, начиная от места рождения реки Вистулы (Вислы. А парой строчек позже путаник Иордан обзовет ее же уже Висклой. – *Л.П.*), на безмерных пространствах расположилось многочисленное племя венетов. Хотя их наименования теперь меняются соответственно различным родам и местностям, все же преимущественно они называются склавенами и антами.

(...)

Эти венеты, как мы уже рассказывали в начале нашего изложения... происходят от одного корня и ныне известны под тремя именами: венетов, антов, склавенов. Хотя теперь, по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно, но тогда все они подчинялись власти Германариха».

Вот так – получается, что готы, долго и крепко воевавшие с венетами-венедом, числили их прямой родней славян. И другие германцы, кстати, тоже. Конкретнее, это имя закрепилось у германцев за западными славянами, в особенности – за племенами южного берега Балтики, создателями той цивилизации, о которой я собираюсь Вам, читатель, рассказать.

Утверждают, что сами славяне никогда себя так не называли, и никто, кроме немцев их так не звал. И то, и другое неправда. Свою речь называли «венской», *wenske*, еще полабские венды из окрестностей Люнебурга, сохранившие свой язык до XVIII века, до эпохи составления словарей. И, что значительно интереснее, прибалтийские финны – то есть собственно финны-суоми и эстонцы – до сих пор называют русских соответственно *venaja* и *vene* или *venelainen*. Подобное единодушие между немцами и финскими племенами, до крестовых походов XII века вряд ли имевшими шанс пообщаться, вряд ли могло бы возникнуть, если бы сам народ – точнее, сами народы – юга Балтики не называли себя так.

Отмечу и еще одно обстоятельство. Очень интересно, в каком тоне Иордан, гот, представитель племени, никем и никогда не замеченного в пацифизме, отзывался о венетах и их сородичах: «по грехам нашим, они свирепствуют повсеместно». Впрочем, и Тацит высказывается о них в совершенно том же духе:

«ради грабежа рыщут по лесам и горам, какие только не существуют между певкинами и феннами».

Первый век, между прочим. Что там Александр Федорович Гильфердинг толковал про «кроткий и миролюбивый характер»? или злые германцы успели его так покорежить уже ко временам Тацита?

К сожалению, в археологических, лингвистических и исторических кругах сейчас стало модно отрицать любые свидетельства о славянах до VI века. Дескать, только в это время появились упоминания о славянах, а значит, до того никаких славян быть не могло. И венеды, таким

образом, славянами быть не могут – так как нагло существовали задолго до ставшей сакральной даты.

Такой блестящий исследовательский метод применяется только к славянам. Никто не стесняется говорить об уграх, скажем, за века до того, как в десятом столетии о них впервые упомянули источники. Никого не смущает, что тевтоны и кимвры повстречались греческому мореплавателю Питфею задолго до того, как Юлий Цезарь впервые упомянул о германцах. Нет, такие строгие требования предъявляют к славянам только и исключительно. Точно так же обстоят дела и с атрибуцией археологических культур, и с прочтением незнакомых имен... иной раз может показаться, что основной критерий такой научности «только бы не славяне!». Тюрки или балты, кельты или иранцы, скандинавы или финны, конечно. Но не славяне. Нельзя. Это относится не только к эпохе до VI века. Но к ней – в первую очередь.

Только этим настроением, царящим в ученых кругах, настроением в самом прямом и буквальном смысле славянофобским, могу я объяснить тот факт, что славянство балтийских венедов, невзирая на свидетельство двух неродственных друг другу языков и ясное указание хрониста-гота из далекого шестого столетия, упрямо не то, что оспаривается – отвергается с порога.

Сейчас, после кончины археолога Седова и лингвиста Трубачева такое настроение, боюсь, станет всеобщим.

Между тем оно мешает. Вполне ощутимо мешает разобраться во множестве загадок истории, в том числе нашей.

В частности, мешает дать напрашивающийся и естественный ответ на один вопрос истории южного побережья Балтики и прилегающих земель, а именно: куда делось «дославянское» население этих земель, когда туда пришли славяне? Традиционно считается, что эти места заселяли «германцы». Считается так, разумеется, потому, что так писали римляне. Остальные соседи этих земель, равно как и само их население, письменных мемуаров не оставило. А методы, которыми римляне отличали германцев от негерманцев, мы уже знаем. Говоря кратко, население интересных нам краев ходило пешком чаще, чем ездило верхом (но все же совсем уж пешеходами не были – шпоры появляются в культурных слоях местных городищ и селищ довольно рано), жило в домах, а не в кибитках и использовало в бою щиты. Ах да, с высокой долей уверенности можно утверждать, что сарматами они не были. Вот, собственно, и всё, что следует из того, что эти народы в римских источниках отнесены к германцам.

Официальная точка зрения гласит, что обитавшие в тех местах германские племена ушли оттуда на завоевание Римской империи, а на освобожденных ими территориях расселились славяне. Другая версия утверждает, что германские племена были выметены оттуда нашествием Атилы (про это пугало тогдашней «прогрессивной общественности» мы тоже скажем несколько слов, но позже). Все эти красивые версии разбиваются об один печальный для их сторонников факт. Названия большинства славянских племен и племенных союзов междуречья Лабы (Эльбы) и Одры (Одера) очень близко воспроизводят названия племен «восточных германцев», заселявших их во времена, так сказать, классической античности, или, иначе говоря, расцвета Римской империи.

Вот таблица соответствий, выведенная В.П. Кобылевым в 1970-х годах нашего столетия. Слева – племена римской эпохи, справа – их славянские «наследники».

Лутии	Лужичане
Ругии	Ругане или руяне
Силинги	Слензяне
Вельты	Велеты-лютичи
Лемовии	Лемузы
Марсинги	Марачане (мораване)
Гелизии	Геленсичи
Хатты	Хуттичи
Дидуны	Дедошане
Хизо-[барды]	Хижане
[Ланго]-барды	Бодричи
Земноны	Земчичи
Боланы	Поляне
Вандалы	Венеды
Варины, варны	Варны

Здесь разве что параллель лангобарды-бодричи выглядит натянутой. Тем паче, что, как мы еще будем говорить, никаких бодричей не было, а были ободриты (в свою очередь, лангобарды обрели такое имя, только уйдя с прародины, а до этого они величались винулами, согласно их летописцу Павлу Диакону). С другой стороны, список можно и дополнить – например, упоминаемые Иорданом грани поразительно напоминают украин – и по звучанию, и по значению.

Значительность этого обстоятельства подчеркивает его полнейшая уникальность. Более нигде в славянском мире имена племен не повторяют племенные названия дославянских туземцев в таком объеме. Самое большее, что можно вспомнить по этому поводу – сербское племя дуклян на месте эллинской Диоклеи, и северян на Десне, чье имя подозрительно похоже на название сарматского племени савар, живших на этом месте.

Но это и все. И на Востоке, и на Юге славянства дукляне с северянами представляют скорее исключение, чем правило. В целом же – на место истров, либурнов, мезеев приходят требуняне и захлумяне. На смену будинам, неврам, гелонам – дреговичи, древляне, поляне. У смолян, милингов, езеричей, верзичей и ваюничей нет никаких предшественников-тезок на землях Балканского полуострова. А соседящее с ними племя дреговичей вообще являет собой пример ярой приверженности славян племенным названиям пращуров – ведь «дреговичи» происходит от слово «дрягва», болото – не самая характерная деталь для балканского ландшафта! Название говорит нам, что его носители пришли на каменистые холмы Эллады из топких сырых мест.

И только на крайнем западе славянства, в междуречье Лабы и Одры, исключение становится правилом. Что как минимум обозначает, что никакая орда Аттилы никаких первоначальников не смела – иначе от кого славяне узнали бы потом все эти имена и названия? Не по римским же картам они шли к Лабее?!

Кстати говоря, непонятно и иное – куда же ушли эти племена, освободившие-де место славянам добровольно или под настоящим воздействием Аттилы? Ведь кроме вандалов и ругов (о которых у нас тоже пойдет еще особый разговор) ни одно из перечисленных «германских» племен не проявило себя на землях рушащейся Римской империи! Мы нигде вне очерченных Лабой и Одрью границ не встретим ни луга, ни хизобарда, ни варна...

Тут родилась иная теория – теория «германских остатков». Якобы германские племена на самом деле остались на своих местах, славянское население было сравнительно малочисленно и поверхностно. Потому-то, мол, и дались эти земли германцам так *легко*, потому и изгладилась память о славянах, их языке и обычаях так *быстро*, что славян была горстка промеж оставшихся на своих местах аборигенах (говорили даже о немецком простонародье и сла-

вянских господах!). Как легко догадаться, такая теория была порождена «сумрачным германским гением». Тут все шло в дело – и явно подложные списки первых любекских ратманов, где немецкие имена соединялись с заведомо вымышленными фамилиями вроде «фон Аркона», «фон Юлин» (кто б еще сказал, что жителям этих далеких городов делать в совете Любека) и пр., и обмолвка англо-норманнского хрониста Ордерики Виталия, утверждавшего, что лютичи поклоняются-де... «Гводану, Туру и Фрейе». Ведь ясно, кажется, что Ордерику попросту перенес на лютичей веру своих земляков-язычников – так автор «Сказания о Мамаевом побоище», не мудрствуя лукаво, заставлял «поганого» Мамаю взывать к Перуну и Хорсу, так саги викингов описывали «капища Тора» в финской Биармии, так Юлий Цезарь уверенно называл галльских Богов Юпитером, Аполлоном, Марсом, Меркурием и Венерой. Первым же из известных нам прибеж к этому приему «Отец истории» Геродот – он рассказывал соотечественникам-афинянам, что в Египте Ареса, бога войны, почитают с головою сокола, а в Скифии – вообще в виде воткнутого в грудь хвороста меча.

Я не буду сейчас рассказывать, как «легко» и «быстро» происходила германизация славянской Атлантиды. Об этом поговорим попозже. Но теория германских остатков натывается на два непреодолимых препятствия – во-первых, свидетельства христианских миссионеров, посещавших земли ободритов и поморян. Они немало странствовали по землям к Востоку от Лабы, описали города и языческие храмы², озера и дубравы, но ни полусловом нигде не намекнули о повстречавшихся им людях, которые бы говорили на понятном и знакомом им германском языке! А ведь, согласно теории германских остатков, таких людей должно было остаться значительное множество, если не большинство!

Предположим, что проповедники как-то пропустили такое «малозаметное» обстоятельство, как присутствие в вендских землях множества своих соплеменников. Но есть и еще одно препятствие – язык земли, название сел, хуторов, рек, урочищ. Очень часто, даже когда прежние хозяева земли оттеснены или истреблены, память о них сохраняет именно язык земли, топонимика. Чтоб не погружаться за примером вглубь веков и не вступать на скользкую дорожку сомнительных этимологий, вроде поиска «финских» корней для названий Ильмень, Суздаль, Москва, Рязань, которыми до сих пор балуются горе-лингвисты, возьмем пример поочевиднее. Среди Соединенных Штатов Америки двадцать пять носят имена, восходящие к языкам краснокожих аборигенов – Юта, Айова, Техас, Висконсин, Алабама и многие, многие другие. Так что, останься на землях между Одрой и Лабой значительное количество германцев, их присутствие отразилось бы в названиях.

И тут тоже с германством «не срастается». Если мы посмотрим на старинные, средневековые³ карты и земельные грамоты – в них часто переселяются поселения и всяческие географические ориентиры – мы увидим, что названия мест в этих краях отражают отнюдь не германскую речь.

Тут есть Барновичи, Вершичи, Гостирадичи, Мыследаржичи, есть Гориславь, Даргомышль, Тешимирь, Хотин, Славятин, Чехов, есть Борки, Подлуги, Уезд, Рыбница, Кремень, Глина и Заезерье, есть Ратае, Свинаре и Ковале, есть Лупигловы и Белокуры, есть Поздиволк, Турин, Могилин, Торгов. Есть Белбог, Радигощ, Перун, Святогора и Требница.

А вот с германскими названиями туго.

Так что лично я предпочту считать, что перечисленные племена были венедскими, славянскими.

² Кстати, храмов «Гводена, Тура и Фрейи» они нигде не увидели, это только Ордерику из далекой Британии могло прийтись подобное.

³ Это должны быть именно средневековые карты. Современные названия, даже и восходящие временами к славянским, за века изменились до неузнаваемости. Может выйти конфуз, как с тем же Гильфердингом, который, увидев на карте своего времени словечко Ziesag, решил, что славяне слышали про Цезарей. На самом деле на средневековых картах это название фигурирует как Заезерье – слово, нет спору, славянское, но никаких цезарей...

Ну вот например – возьмем края варинов-варнов. Как раз те, кто должен был бы входить в число «германских остатков» по мысли создателей этой теории.

В 1232 году там находились: озеро Варинское, речка Тепница, ручей Студеный (как я уже говорил, озера, реки и прочие водоемы самый надежный индикатор, в Новой Англии, где никаких индейцев нет уже лет триста-четыре, большинство названий рек и озер – индейские). Кроме того мы встречаем там болото Голенский луг (Guolenske lug), Живанов лес, речка Рострубовица, озеро Душинское, ручей Душница, озеро Бельч, село Предел между Язвинами и Вановыми могилами (Wanove mogili), Махначи, Мирowo, Погловы, Долгие Луги и Водровый Лаз.

Не знаю, читатель, как вы, а по мне так все это оставили скорее славяне, чем германцы.

Что интересно – упоминавшаяся уже Мария Гимбутас признает первым упоминанием славян «суовенов» на карте Птоломея (II век). Напомню еще раз – американка литовского происхождения, человек, которого в славянофильстве может обвинить только очень уж упертый параноик. А отечественные исследователи как вцепились в VI век, так и не желают видеть ничего славянского за этой границей – ни отдельных слов, ни названий племен, впоследствии появляющихся в качестве заведомых славян, ни собственно своего фетиша – «общеславянского самоназвания». Они настаивают на позднейшей описке, превращая суовенов в ставанов и почему-то считая их балтами – хотя подобное племя истории балтских народов неизвестно. Но... не славяне – значит, научно.

«Племя»⁴, о котором я говорю, это велеты. С ними нам много раз придется сталкиваться на страницах этой книги, первый же случай их упоминания – та же карта Птоломея, рядом с суовенами.

Во времена Птоломея славяне уже жили на варяжских берегах.

⁴ Точнее, союз племен, если использовать язык этнографической науки, «княжение», «земля», если выбрать определения русской летописи, или, если обратиться к терминам византийских хронистов, «Славиния».

Глава III. В зареве великих пожаров: от падения Рима до Браваллы

Родословные вендских князей. Радагайс. Крок, Крак, Краки. Загадка гуннов. Руги-федераты – варяги-русь? Одоакр, первый герой Руси. «Тидрек-сага». «Утрехтский летописец» – велеты против короля Артура. Фризско-саксо-велетский союз. Вендель. Скандинавия: таинственный конунг Висбур. Посланцы с гусями: «благородные дикари»? Шпионы? Волхвы? Битвы за Данию: Саксон Грамматик. Бравалльская битва – конец легенды, начало истории.

Ну, а зная все это, мы не можем отмахиваться от данных родословных мекленбургских князей, что опубликовал на русском языке Всеволод Игоревич Меркулов. Правители Мекленбурга происходили от вендских князей и ничуть не скрывали этого, наоборот – гордились. Согласно их родовым преданиям, предком-родоначальником их был Радегаст – Радагайс или Редегаст римских историков, вождь варваров, который в свое время внушал Вечному городу и доживавшей последние годы империи не меньший ужас, чем Атила. Он представлен в хрониках (особенно авторов-христиан), как варвар из варваров, страшнее любых готов и вандалов – ибо вожди тех уже в основном были христианами – а Радагайс ярый язычник. «Варвар из варваров», кроме того, предводительствовал не взбунтовавшимися римскими солдатами варварского происхождения, а ордой диких племен, живших «от Дуная до Рейна» (то есть как раз в тех местах, где обитали венеды, луги, велеты, варны, суовены и прочие), его полчища, уверяли испуганные римляне, насчитывали двести или даже четыреста тысяч воинов. В Риме взбурлила смута, подняли голову язычники, видевшие в Радегасте кару древних Богов оставившему их Городу, христианские летописцы с негодованием упоминают о возобновившихся жертвоприношениях у старых алтарей. Остановить варваров удалось буквально на пороге Рима, в теснинах северной Италии, но войска для этого собирали со всей империи, наняли конные отряды гунна Ульдина и алана Гоара, остроготскую пехоту. Подтянули легионы даже от далекой Британии – и больше туда Рим не вернулся. Войсками империи руководил лучший полководец того времени – Стилихон – кстати, сам полуварвар. Но только благодаря переметнувшемуся готам Радагайса-Радегаста удалось разбить. Олимпиодор утверждает, что лучших людей («оптиматов») Радегаста, взятых в плен, Стилихон взял в свою гвардию. Правда, Олимпиодор называет совершенно несусветную численность этих «оптиматов» – в двенадцать тысяч. Это какая ж была у Стилихона гвардия? Даже если предположить, что накинули лишний нолик⁵, все равно изрядно...

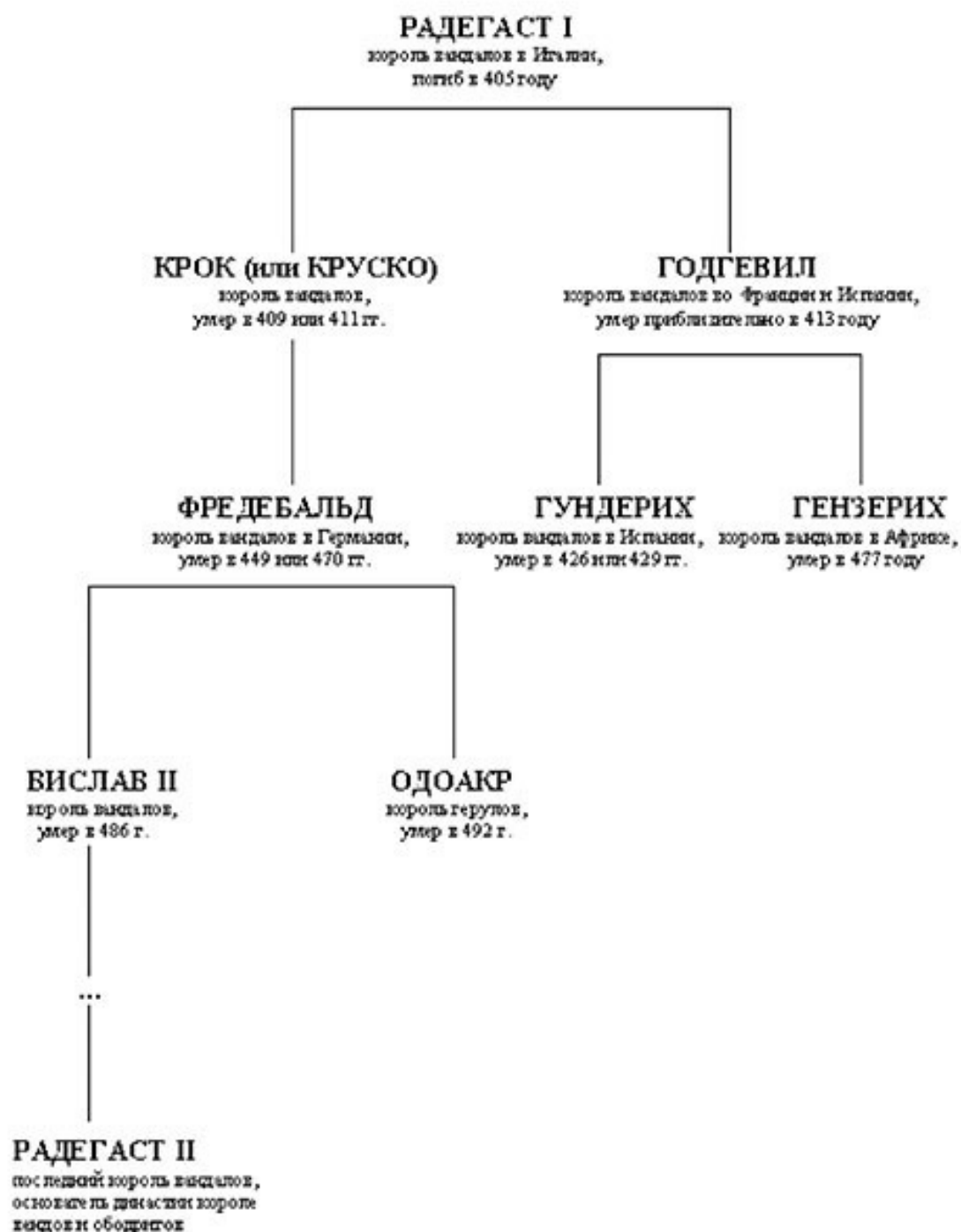
Стилихон, бывший истовым христианином, после победы над язычником Радегастом решил приструнить и своих приверженцев старины – чтоб не вздумали говорить, что это Боги вняли их мольбам и защитили Город! Он предал огню святыню римских Богов – пророческие свитки Сивиллы.

Через три года Стилихон был убит по приказу своего воспитанника, императора Гонория.

Еще через два года войско христианина-варвара Алариха впервые за многие века вошло в Вечный город, предав столицу империи огню и железу.

А память о Радагайсе-Радегасте многие исследователи видят в почитании бога-воина Радегаста-Сварожича в земле велетского племени ратарей, описанного средневековыми миссионерами и хронистами.

⁵ Хотя... а как тут накинешь? Там же наверняка римские цифры были, а в них, например, 5 будет V, 50 это L, а 500 – D. Тут ноликом не обойдешься...

Генеалогия Бухгольца (по книге В.И. Меркулова)

Согласно генеалогии Бухгольца, сыном Радегаста был Крок. С этим именем связан ряд легенд, причем не только славянских. Скажем, у чехов Крок почитается, как древний справедливый правитель, скорее праведный и мудрый судья, чем военный вождь. Согласно легенде, ему наследовала одна из трех дочерей, которые все были ведуньями-жрицами. Другая вышла замуж за богатыря по имени Бивой, голыми руками победившего вепря-людоеда. У поляков есть предание о князе по имени Крак, мудром и справедливом правителе, основателе Кракова, которому наследовала дочь-ведунья Ванда. На сходство этих легенд давно обратили внимание. А вот мне довелось обратить внимание на другое интересное соответствие. Есть датская

легенда о Хрольфе Краки, конунге, прославленном более мудростью и справедливостью, чем подвигами на поле брани или военными походами – для скандинавских легенд герой не вполне обычный. Как и время Крака в жизни поляков, Крока – в чешской истории, правление Краки воспринималось как этакий золотой век местного значения. Как и они, он не имел сыновей. Как и им, ему наследовала дочь-колдунья Скульд. Но вот тут уже вступал со своим голосом скандинавский менталитет. К магии, тем более женской, скандинавы задолго до крещения относились вполне однозначно. В саге дочь Краки изображена злобной ведьмой, погубившей отца и разрушившей плоды многих лет его заботы о земле и народе. Примечательней же всего было то, что жил на свете Краки как раз в те годы, что и Крок из родословной – если он действительно приходился сыном Радегасту-Радагайсу.

стр.49

Чешский Крок с дочерьми

Через некоторое время я наткнулся на статью Мелетинского об англосаксонском эпосе, в котором он указывал на параллели между героями англо-саксонского «Беовульфа» и датской саги о Хрольфе Краки. Сам конунг там едва упоминался, как Хротульф, а еще указывалось на параллель между Беовульфом (т. е. «пчелиным волком», «Медведем») и Бодваром Бьярки («Медвежонком»), героем и победителем чудовищ из дружины Краки. И тут я вспомнил о мелькнувшей у меня мысли – когда всплыл параллели между Краком, Кроком, Краки и их вещими дочерьми, поневоле припомнился Бивой, и подумалось – да не Беовульф ли это? Оказывается, вполне возможно.

стр.50

Курган Крана под Краковом

И вырисовалась примерно вот такая таблица соответствий между западнославянскими и скандинавскими героями:

	Чешские легенды	Польские легенды	Сага о Хрольфе Краки	Бео- вульф
Миролюбивый, но мудрый и праведный пра- витель локаль- ного «Золото- го века»	Крок +	Крак +	Хрольф Краки +	Хро- дульф +/-
Его дочь- наследница, ве- щая ведунья	Либуше (сестры Кази и Тета) +	Ванда +	Скульд -	
Герой, победив- ший чудовище	Бивой		Бодвар Бьярки	Бео- вульф

Затруднюсь сказать, что значит такое сходство персонажей. Вряд ли оно случайно, но даже если и нет, то о чем говорит? Отражение ли это неких реальных исторических событий – или остатки какого-то общего эпоса? В любом случае они указывают на гораздо более тесное переплетение судеб славян и германцев, чем принято обыкновенно считать.

Ванда

Следующим историческим персонажем, с которым связана судьба балтийского славянства, можно считать... гунна Атилу.

Гунны, без преувеличения, самый загадочный народ, пронесшийся над Европой в том смерче, который именуют «Великим переселением народов». У нас есть два подробных опи-

сания гуннов – труд римского историка Аммиана Марцеллина (на нем, собственно, и основано нынешнее представление о гуннах вообще, об их внешности и образе жизни), и мемуары дипломата Приска Паннийского, ездившего в столицу Аттилы с византийским посольством. Так вот если вычеркнуть из обоих описаний слово «гунны», то никто не догадается по ним, что речь идет об одном и том же народе. Гунны Аммиана безобразны, подобны «двуногим зверям». Приск отмечает красоту гуннских женщин, а встретив прижившегося среди гуннов эллина, не узнал в нем земляка, пока тот не заговорил. Гунны Аммиана проводят жизнь на седле и в кибитке, боясь зданий, будто гробниц, и всю жизнь проводят в кочевьях, так что никто из них не знает, где родился. Приск описывает столицу Аттилы, как настоящий деревянный город, описывает и дворец вождя. Аммиан утверждает, что гунны никогда не касаются сохи. Согласно Приску, гуннское простонародье пьет напиток из ячменя, а знать любит вино – и то, и другое без земледелия немыслимо. Гунны Аммиана одеваются в шкуры и носят их, пока те не развалятся. Гунны Приска одеваются хорошо, а знатные – даже роскошно. Интересно – особенно для нашей темы – то, что Приск величает Аттилу «повелителем отдаленных островов океана». Речь, скорее всего, идет про Балтийское море – к иному «океану» владения Аттилы не могли выйти в принципе. Но... каким образом их «повелителем» мог бы стать вождь конной орды кочевников, которые, как это живописно обрисовано у Аммиана, спустившись с седла, едва могут ходить? Никакая конница и в более поздние времена не доходила до балтийских берегов из Приднепровья или Подунавья. Тем паче невозможно было это полторы тысячелетия назад.

На занимательные мысли наталкивает и рассмотрение образа Аттилы в эпической Германской поэзии. Если Вы, читатель, смотрели немой фильм Фрица Ланга «Нибелунги» – а если не смотрели, сделайте это при первой возможности, оно того стоит! – то помните основную коллизию второй серии, посвященной мести Кримхильды за подло убитого Зигфрида. Тевтонская богиня, чтоб заполучить оружие против убийц, отдает себя полужверю. Особенно ярко это отражено в сцене, где Кримхильда (в блестящем исполнении Маргарет Шён) спускается... нет, **снисходит**! в главный зал хором Аттилы (не менее блестяще сыгранного Рудольфа Кляйне-Рогте). И полужверь отлично понимает, что к нему снисходят, он благоговеет, он счастлив, он готов порвать в клочья всякого, исполнить любое повеление – лишь бы ледяная статуя на ступенях приняла его руку и сделала шаг...

Великолепно выдуманно, бесподобно снято, божественно сыграно... вот только никакого отношения к реальному образу Аттилы в «Песни о Нибелунгах», да и в более ранних легендах германцев и скандинавов, не имеет. В поэмах англосаксов, когда прославляют могущественных и славных правителей прошлого, именно Аттилу-«Этлу» называют в самом начале, вторым после Александра, но – перед «Эрманриком», Германрихом, легендарным готским королем. Кстати, и в других англосаксонских поэмах гунны идут в перечислении народов на первом месте. В скандинавской «Старшей Эдде» мать вдовы Сигурда – скандинавского аналога Зигфрида – говорит про Аттилу:

Великого конунга я тебе выбрала, *первым из всех он признан повсюду.*

Аттила благоговееет перед Тевтонской Богиней («Нибелунги», 1927)

Да и «Песнь о Нибелунгах» высказывается про Аттилу-«Этцеля» в тех же похвальных тонах:

!!!СТИХ

Как ни суди об Этцеле, завидный он жених.
От Роны вплоть до Рейна он всех людей славней.
От Эльбы и до моря нет короля сильней.
Себя прославил Этцель так, что из всех краёв
К его двору стекалось немало удалцов.
Был с каждым он приветлив, учтив и щедр без меры,
Будь то боец языческой иль христианской веры.

Как видим, настоящие германцы и скандинавы нисколько не испытывали к гуннам презрения или отвращения, скорее наоборот. И не зря многие из прославленных героев германских легенд служили Аттиле – Теодорих (Дитрих, Тидрек) Бернский⁶, Хильдебранд, Вальдер и другие. И даже само имя Аттилы, в его скандинавской огласовке «Атли» носили впоследствии многие ярлы и конунги скандинавов даже полтысячи лет спустя после его смерти. Мужское имя Гуннар и женское Гунн считались на севере аристократическими. Впрочем, если верить Иордану, в его времена использование готами гуннских имен носило массовый характер.

⁶ Здесь, однако, некоторая путаница – Аттиле на самом деле служил не Бернский, то есть Веронский, Теодорих, а его отец, которого звали Теодомиром – впрочем, для эпоса путаница минимальна.

Нордический Атила кисти Делакруа. Смех смехом, а «Старшая Эдда» Атти-Аттилу называет Длиннобородым

Поневоле возникает вопрос – а могли ли так относиться гордые германцы к чужаку из кибитки? Могло ли сложиться такое отношение к пришельцам-завоевателям с совершенно чужими и чуждыми обычаями, внешностью, образом жизни?

Интересно, что у кривичей, племени, входившее в велетский союз, считали своих князей потомками Аттилы. Беда – Беда, а не Беда – Достопочтенный, священник-англосакс, в VII веке помещал гуннов между данами и саксами. На землях велетов и ободритов, ставших германскими,

древние курганы называли «могилой гунна». Да и тот же Приск... рассказывая о жизни подданных Атилы, он говорит, что они называли свой любимый напиток «мед», а Иордан, описывая погребение гуннского вождя, говорит, что погребальный пир гунны на своем языке именовали «стравой». Два слова дошло до нас из языка европейских гуннов, и оба они оказались славянскими. Будь они, скажем, финскими, или кельтскими, или иранскими, или германскими – никаких споров о происхождении гуннов не возникало бы более.

«Могила гунна» на южном берегу Балтики. Каспар Дэвид Фридрих

Но ведь славяне – это же «ненаучно»...

Не буду впрочем, говорить, что все ясно. С одной стороны, что-то должны значить римские описания гуннов как не слезающих с седла кочевников со страхолюдными физиономиями? Там отнюдь не один Марцеллин отметился. Традиция распространять имя гуннов на степные народы вроде авар или болгар тоже что-то да значит. Кстати, ей и русичи не брезговали – недаром половцы в «Слове о полку Игореве» и татары в «Задонщине» названы гуннами-«хиновой». С другой стороны, есть сведения о гуннах, как фризском племени. Тот же Беда считает их... германцами. В общем, как я и говорил, вопрос с гуннами крайне запутанный, и, по всей видимости, однозначного ответа не имеет. В любом случае, в истории европейских гуннов, гуннов Атилы, балтийские славяне приняли участие, и участие заметное. Недаром та же «Старшая Эдда» среди послов, присланных Атилой за невестой, называет некоего Ярослав⁷.

А сейчас пришла пора уделить несколько слов народу, который имеет немалое значение для нашей темы. Благодаря именно ему мы говорим не только о «балтийских славянах», но и о варяжской Руси!

⁷ Любителям похихикать над «Богданом Гатылой» украинского писателя Билыка хочу напомнить – первыми славянизировать Ат- тилу начали русские авторы. Исследователи Венелин и Иловайский, писатели Вельтман и Кондратьев...

Где-то во II–III веках от НХЛ Римская империя, уже начавшая утрачивать тот воинский дух, что сделал римлян повелителями половины известного им мира, пригласила на свои земли у Дунайской границы варварское племя. В обмен на землю варвары должны защищать империю от других варваров. В общем, чтобы не отдавать землю империи варварам, ее отдавали варварам. Такие, «прирученные» варвары назывались федераты.

Племя, о котором мы говорим, называлось руги.

В I веке его упоминает Тацит на юге Балтики, и на острове Рюген. Гот Иордан отзывается о них, как о превосходящих германцев (!!) духом и телом. В начале IV века в Веронском документе они фигурируют, как федераты империи, расселенные на землях дунайской провинции Норик. В следующем веке они воюют с готами, союзничают с гуннами. Кстати, один из вождей гуннов, дядя Атиллы, носит имя Ругилы или Руги. В VI веке государство ругов погибло, но руги – точнее, «рутины» – в VII веке упоминаются тем же Бедой Достопочтенным. С этого момента, кстати, даже строгие радетели недопущения в историю «ненаучных славян» согласны говорить об славянстве ругинов – из-за славянского окончания «ин» (сравните «русин», «славянин» и пр.). В средневековых латиноязычных германских источниках ругами всегда именуют русов. Широко известно упоминание княгини Ольги, Елены в крещении, как «Елены, королевы ругов» в «Хронике продолжателя Регинона». В Раффельштетенском торговом уставе (904 год) упоминаются «славяне из ругов», приезжающие в этот верхненемецкий город с торговлей. Назаренко колеблется, не торопясь причислить отождествление русов и ругов к «книжной» этнонимии, основанной на простом созвучии. «Практически все случаи его употребления так или иначе связаны с автопсией (то есть сообщениями очевидцев. – Л.П.), что существенно подрывает предположение о книжном характере термина применительно к Руси», – замечает он. А.Г. Кузьмин, исследовавший огромное количество таких сообщений и особое внимание уделявший сообщениям источников о русах в Средней Европе, выражался еще категоричнее: «Тождество ругов и русов не гипотеза и даже не вывод. Это лежащий на поверхности факт, прямое чтение источников, несогласие с которыми надо серьезно мотивировать».

Тождество ругов с русами позволяет ответить на один из важнейших вопросов нашей истории – кто же такие варяги-русь, создавшее нашу страну и давшие начало роду Рюриковичей, семь столетий правившему ею. Дело в том, что варяги, или, как они называются в сагах, веринги, многими исследователями считаются калькой, переводом с римского «федераты». Норманнисты, считающие, что варяги – это название скандинавов, породили чудесную схему: норманны через славянские земли ехали на службу в Царьград, там получали название «верингов» и потом, возвращаясь на родину, назывались таким именем, под коим их и запомнили славяне.

В Царьград они, очевидно, ехали молча. Может, вообще, тайком и укрادкой.

Ко всему прочему – скандинавы в Византии федератами не назывались и называться не могли – слишком далеко жили от ее границ. Наемниками они там были, наемниками из дворцовой гвардии, и только. Причем «Сага о людях из лососьей долины» совершенно ясно сообщает, что ее герой Болле сын Болле, прибыв в Константинополь и присоединившись к дружине «верингов», был *первым из норманнов*, которые служили императору Восточного Рима. Чтоб обойти это крайне неудобное для них свидетельство, норманнисты идут, к сожалению, на прямой подлог под видом перевода. Вместо «норманнов» пишут «норвежцев и исландцев», хотя такого значения слово «норманн» никогда не имело. Норманн может означать норвежца – и до сих пор остается самоназванием этой нации – или скандинава вообще, или, наконец, представителя любого племени на берегах Балтийского моря. Так термином пользовались за пределами Скандинавии – франки и их южные и западные соседи. В их хрониках «норманнами» становятся северные саксы-нордальбинги, и балтийские славяне.

Но мы отвлеклись, вернемся к ругам – точнее, все же к русам, ибо, как справедливо отмечает В.И. Меркулов, не было народа, называвшего себя ругами. Только пройдя двойное

искажение у римского автора, услышавшего его от германцев, или у германца, пишущего на латыни, имя приобретало такое звучание. Так вот, они, в отличие от скандинавов, как раз и были федератами-верингами, да не кого-нибудь, а великого, еще не утратившего большую часть своего блеска и славы Рима. И такое положение было настолько почетно, что его как раз могли превратить в название народа: «смотрите, дикари из болот и чащоб, мы – не вы, мы – федераты, мы – веринги, мы служим великому Риму!»

По крайней мере, это было бы более разумно, чем странная версия, по которой скандинавы получили от славян название по статусу, полученному ими в третьей стране, путь в которую лежал через славянские земли...

Земля дунайских ругов-русов оставила по себе память в целом гнезде местных названий и личных имен от слова «рус, русский». Документы эпохи Карла Великого отмечают на том же месте «Русскую Марку». Интересно, что и ближайшие соседи и сородичи ругов – ободриты – тоже отметились на Дунае, и в тех же самых местах. И в русских летописях мелькают некие «варяги дунайские».

Самым знаменитым ругом-русом того времени, без сомнения, должен считаться Одоакр. Личность, надо сказать, тоже весьма загадочная – не меньше, чем, скажем, гунны. Кем его только не называют в источниках! И внуком тому самому Кроку, и безродным, и сыном вождя. И готом (ну, это понятно, служил в готских отрядах, значит гот), и «герулом с острова Рюген», и скиром. Скиры эти сами по себе странный народ. Жили где-то рядом с венетами, в государстве Атилы играли немалую роль. Римские источники называют их – ну естественно! – германцами, а историки послушно это повторяют. Я же не буду в третий раз повторять, что значит «германцы» в устах римских историков, и сколько веса это определение имеет. Вождь скиров Едик был приближенным Атилы и возглавлял посольство гуннского повелителя в Константинополь. Вместе с ним в посольстве ехал римлянин на гуннской службе – да, бывали и такие типажи – по имени Орест. После смерти Атилы и распада его скороспелой державы вождь остготов Теодомир разгромил скиров и убил Едик. После этого поражения скиры так и не оправились. Более они не появлялись на исторической арене.

стр. 63

Монета Одоакра

Иордан же именует Одоакра ругом. Может, скиры и были одним из ругских племен?

Одоакр из родных мест пришел в провинцию Норик – точнее, уже в королевство русов. Там он повстречался с отшельником Северином – его житие до сих пор служит одним из основных источников о королевстве русов. Отшельник пользовался большой популярностью в провинции и имел влияния даже на короля русов, которому уже давно принадлежала реальная власть в Норике. Более того, уважение к Северину испытывал и сосед ругов, заклятый язычник, король алеманов Гильбульд. Впрочем, Северин и не пользовался известностью в интересах своей веры – не сказано, чтоб он пытался обратить короля, часто внимавшего его советам, или королевского вельможу, чьего сына исцелил. Не очень понятно поэтому, за какие заслуги Северина величают «апостолом ругов». Среди примеров прозорливости святого житие приводит и историю о его встрече с молодым еще Одоакром. Юный великан явился к старцу, славному предсказаниями, чтобы узнать о своей судьбе. Одетый в шитую из шкур одежду, он едва не выворотил низкий потолок кельи отшельника головой. Отшельник предсказал ему, что, отправившись в Италию, он прославится и станет великим властелином. Предсказание сбылось. Когда Одоакр со своими людьми прибыл в Италию, Римом, точнее Равенной, куда из разоренной готами и вандалами столицы переместилось правительство умирающей империи, правил от имени провозглашенного императором сына патриций Орест – тот самый, что некогда служил Аттиле и ходил послом в Константинополь вместе с скиром Едиком. В скором времени Одоакр стал командующим войсками Ореста – а потом возглавил мятеж недовольных правителем воинов. Орест погиб, его малолетний сын, Ромул Августул, вскоре отрекся от престола. Одоакр не стал облачать в императорские регалии очередную марионетку, не стал надевать их и сам. Он фактически «закрыв» западную Римскую империю, отправив регалии в Константинополь, императору Зенону. Православный владыка отблагодарил варвара за щедрый дар, натравив на него вождя остроготов, воспитывавшегося в Константинополе Теодориха, сына разгромившего скиров Теодомира. Война длилась долго, пока Одоакра не убили предательски на пиру в честь «примирения».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.